

№ 5

Александр БОБРОВ
БЕЙ СВОИХ!..

Шарж В. МОЧАЛОВА.

Скажу при всем честном народе я,
Что дарит радость мне пародия,
А шутка или обличение
Порой приносят облегчение.

А. Щербов

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**№ 5
(1113)**

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Александр БОБРОВ

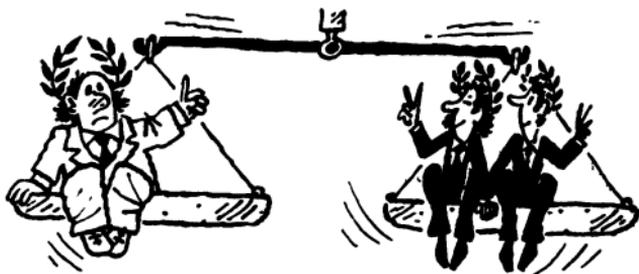
БЕЙ СВОИХ!..

*Литературные пародии,
шутки и обличения*

Рисунки Р. САМОЙЛОВА.

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1991**

ОДНОСТРОФИКИ И ДИСТРОФИКИ

* * *

Жизнь поэта порой прекрасна,
А порой совсем не лафа.
Однострофики — это ясно,
Это значит — одна строфа.

А дистрофики что за нечисть?
Их-то разве сыскать в Москве?
Извините!

Спешу заметить,
Что дистрофики — значит, две.

* * *

Как резко все меняется на свете:
Где воспевали радости труда —
«Секс — это все!» — написано в газете,
А раньше уверяли: «Ерунда...»

* * *

Английский врач, философ и поэт
Уильям Моррис,
чувствами согрет,

В своих стихах воскликнул простодушно:
«Кроме любви, нам ничего не нужно!»
Но кто-то отозвался кратко: «Нужно».
По-моему,
        точней рецензий нет.

* * *

В литературной полемике рьяной,
Где, как на кухне, нельзя промолчать,
Две Ивановых — Наталья с Татьяной
Заполонили статьями печать...

* * *

Это тема романа. Короче,
Тех, кто женится по любви,
Ожидают слепящие ночи
И достаточно тусклые дни.

* * *

Славословим, время понукаем,
А чего, как прежде, ни коснись,
Добываем, а не покупаем,
Урываем... Разве это жизнь?

У капиталистов, ясно — хватка.
Как всегда, железная притом,
А у нас железная нехватка
То в одном, то в третьем, то в другом...

* * *

Сейчас бы с ухой!..
Любой понимает.
Закон-то сухой,
А дождь — поливает.

* * *

Один руководитель брякнул вслух:
«У нас в районе заготовка сена
Идет от черных мух до белых мух —
От знойного июля и до снега...»
От мух до мух — добавлю —
и под мухой.
Прорывы чередуются с разрухой.

* * *

Не боюсь бессонниц предрассветных,
Но с годами стало мне ясней:
Даже клей на покупных конвертах
В юности был слаще и вкусней.

* * *

Двадцать второго июня
ровно в четыре часа
(Без шуток и не по песне, а точно — в четыре часа)
Я защищал диссертацию на кандидата наук.
Были хорошие отзывы, решающие голоса,
Один только голос против
подал неведомый друг.

Не собираюсь ерничать, имя случайно узнав,
Ведь правда: работа научная — худшее, что накатал.
Может, в одном лишь смысле — по чести! —

коллега не прав,

Ибо, что им написано, вовсе никто не читал.

* * *

Порой для научного быта
Используем опыт предтеч:
Платон все труды Демокрита
Собрать предлагал —
чтобы сжечь...

* * *

Если б знала бедная жена,
Сколько денег тратил я и трачу,
Сколько было выпито вина...
Цифрами ее не озадачу —
Ни к чему: она надежд полна
Перед гонораром и зарплатой.
Если б знала бедная жена,
Что она могла бы быть богатой...

* * *

Лежал я в постели, отвар попивая —
«Фиалка трехцветная и полевая».
Она
помогает теперь от простуды,
Как раньше — глоток не из этой посуды...

* * *

Телебашня в Останкино —
Притягательный свет.
Путь локтями расталкивал
К сей вершине поэт.

Шел на лесть и на гадости,
Просочился в эфир,
Чтоб наглядно в бездарности
Убедился весь мир.

* * *

Читал, как будто пел он,
А я осоловел,
Ведь все его новеллы
От слова по well*!

* * *

Было время, когда нам казалось:
Не угаснет к поэзии страсть.
И такая толпа собиралась —
Просто яблоку негде упасть!
А теперь у другого прилавка
Собирает иная напасть,
И такая за «Яблочным» давка —
Просто негде поэту упасть.

---

* Не хороши (англ.).

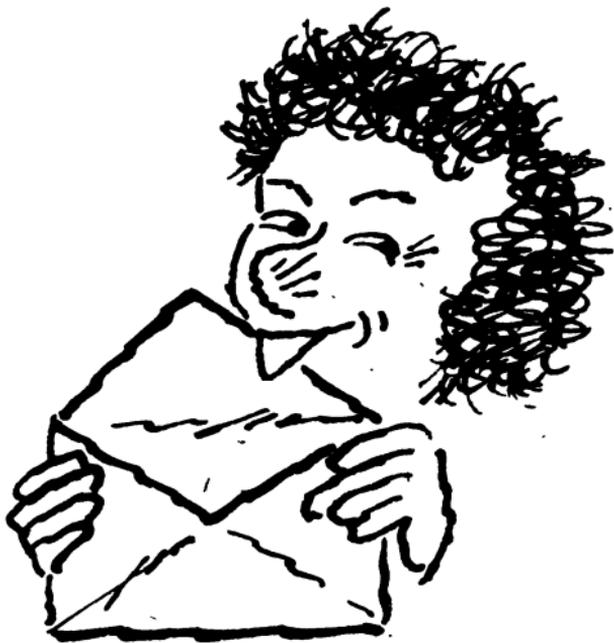
* * *

В тенденции непонимания
Всей вредности пития —
Инерция отставания
Сознания от бытия.

* * *

Нелегко советскому поэту
С обличьем вздора и грехов:
Раскрываешь по утрам газету —
Факты поразительней стихов.

Не обманешь скорбью показною,
Устаревшею игрой ума.
Что же поражает новизною?
Вечная поэзия сама!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

ОРИГИНАЛКА

Брожу с определителем растений
По пригородным рощам и лугам
И в обновленной зелени весенней
Оригиналы вижу тут и там.

Павел СЕРГЕЕВ

По лесопаркам, подмосковным тропам
И по другим прогулочным местам
Брожу с машинописным гороскопом,
Оригиналы вижу тут и там.

Смотрю в страницы, а потом — налево
И замечаю пару стройных ног.

Спросил ее:

— Простите, вы не Дева?

— Иди ты, — отвечает, — Козерог...

Перехожу на календарь японский
И спрашиваю робко:

— Вы Змея?

А та в ответ не изменила тон свой

И прямо как отрезала:

— Свинья!

НУ И НАГЛОСТЬ!

Скворцами оглашен высокий небосвод.
Лошонком по мосту трамвайшко процокал.

Теперь гуляй, мелькай между колоннами,
дрожи плечом от тульских сквозняков
с башкой, набитой книгами талонными,
с дышалкой, полной не моих стихов.

Александр ЩУПЛОВ

Свиненком «жигуленушки» прохрюкали
и растворились в дымке голубой,
обрызгали, подлюги, извозюкали
тебя с твоей походкой и судьбой.

А ты идешь с авоськами, набитыми
стишатами моими через край,
а также интервью со знаменитыми
страдальцами за либеральный рай.

Скворцы свистят рулады завиральные,
а вас надули в Туле невзначай:
все по талонам — порошки стиральные
и сахар, чай? И не индийский чай?

Теперь гуляй, скучай между колоннами
и жди, когда откроют вторсырье,
чтоб сдать мои творенья эталонные
и получить талоны на старье.

Не жалко бы тебя отсюда палкою!
Теперь дрожи плечами и спиной
с лохматою башкою и дышалкою,
набитую Ахматовой — не мной.

КАМЕННАЯ ГОСТЬЯ

Вновь над замком твоим деревянным
Мечут молнии ревность и злость.
Я растерянной Дон Гуана,
Ты сурова, как Каменный Гость.

Юрий УВАРОВ

Снова замок скрипит деревянный,
И, смущеннее, чем мальчуган,
Я свидания с Доной Анной
Дожидаюсь, как Дон Гуан.

Да, конечно, случались обманы,
Мечут молнии ревность и злость,
Но заместо прекрасной Анны
Заявляется Каменный Гость.

Не сеньор командор Де Сильва,
А супруга, которая бдит.
Как схватила меня — да сильно! —
И сурово в глаза глядит.

Я ведь скульптор — могло и присниться,
Но глаза застилает туман.
Тяжело пожатье десницы.
Гибну, кончено, о, Дона Ан...
(Проваливаются.)

РЕЦЕПТ

Земля пахнет бальзамом...
Лунный запах сухого вина...

Душа болит, как печень,
Который год подряд.
А чем лечиться?.. Нечем!
Воспоминаний град.

Вениамин БУТЕНКО

Душа полна желаний
Уже который год,
Но град воспоминаний
По печени мне бьет.

«Лучистое» лучится,
Портвейн «Кавказ» печет...
А чем теперь лечиться?
Душа ответа ждет.

Конечно, не бальзамом
И не вином сухим,
А памятным указом,
Пусть глупым и плохим...

ЗЕЛЕНЬЙ СВЕТ

И друзья поделом упрекают:
«Все не то, все не так, дорогой,
все не те голоса увлекают,
и идешь ты не с этой, а с той...»

Мой светофор зеленый...
Николай ЗИНОВЬЕВ

Это стало уже наказаньем:
все не то, все не так, между дел.
Даже в книге стихов

«Ускользаньем»
я назвал свой заветный раздел.

Старый друг, подымив сигаретой,
не велит от друзей ускользать.
«Не ходи ты, — советует, — с этой...»
И не знает, как дальше сказать.

Может быть, поделом упрекает:
надо было не с этой, а с той.
Но не те голоса увлекают
на эстраде с ее суетой.

Там, где Мастер, в искусство влюбленный,
Маргариту не может найти.
И горит светофор мой зеленый
не на том,
но на скользком пути.

АХ, КАК ЖАЛЬ!

Что за диво ржаное пиво —
Хоть с дрожжами, хоть на хмелю.
Я от пива такой счастливый —
Всех богаче и всех люблю.

Вы не пьете? Ну что за шутки?
Не приедете? Ах, как жаль...

Петр КУЧУКОВ

Дед прочел, усмехнулся криво
И давай за стихи корить:
Разве счастье у вас от пива?
Ты не вздумай, пострел, варить!

Всех он любит... Язви ты в душу!
Да с тобой в лесном далеке
Не на тракторе, друг Петруша,
Нас прокатят — на «воронке».

А в окно хохочет соседка:
«Бог не выдаст — свинья не съест».
Говорю ему:
— Что ты, дедко,
Это лишь поэтический жест!

Кто ж попрет по всему Союзу
Через Обшу и Лучесу
В комариный зуд, за Вазузу,
Чтоб такую хлестать бузу?

Что тут делать — пугать медведей?
На безрыбье хлебать беды?
Ах, как жаль, что никто не едет!
Дед смеется:
— Тады лады!

ТЕПЛОЕ МЕСТЕЧКО

Я заблудился в Подмосковье,
Устал кружить в честном лесу,
Встал в удобрение коровье,
И что-то чавкнуло: «Спасу».

Шампанское — пеной! И праздничный крик!
Не кутайся, сердце. Я твой истопник.

Геннадий КАСМЫНИН

Когда я на почте служил ямщиком,
Блукая честным Подмосковьем,
То ездил к девчонке одной прямиком,
Доверясь лепехам коровьим.

Копыто ли чавкало или нога,
Я путь находил без помехи.
Грибные места заматали снега,
Скрывались спасавшие вехи.

Дорога к девчонке уже не видна,
И холодно очень. Короче:
«Налейте, налейте скорее вина,
Рассказывать больше нет мочи...»

Но я ведь смекалистым рос пареньком,
Кумекаю: как же согреться?
Тогда и оформился истопником
Отапливать личное сердце.

Шампанское — пеной! Спокойно, народ!
Теплеют столичные ночи...
А где-то в деревне корова вздохнет —
Закрылись карие очи.

а в подлые года давали пиво.
А, все равно! Случилось, что должно,
как и всегда случается, что должно.
Я тоже пил перцовку и вино,
теперь уж перестраиваться можно
и, глядя в идиллическую даль,
на Мойке ли, на Клязьме ли — повсюду —
готовить операцию «Хрусталь»,
то бишь сдаваться и сдавать посуду.

С УДОВОЛЬСТВИЕМ!

Прикоснуться щекой к тишине,
Ощутить стьлой осени слякоть
И, подумав о прошлой весне,
С удовольствием громко заплакать.

Георгий ЗАЙЦЕВ

Прикоснуться рукой к тишине,
К вдохновенью щекою прижаться,
В слякоть плакать о прошлой весне,
А весной о зиме сокрушаться.

Но потом, если это издать,
Ощущенья оттиснуть петитом,
С удовольствием можно рыдать
И публично страдать с аппетитом.

ГРУБЫЙ ОТВЕТ

Его дыханье к нам в окно стучится
Костяшкой пальца, как вопроса знак...

По реке вопросительных знаков...

Нет ответа, лишь юные травы,
Словно пальцы земли, шевелятся...

Юрий НИКОНЫЧЕР

А рядом, сидя за водой,
Вздыхает постовой тоскливо:
«Ну-у, если помнит он про пиво,
То разве это молодой?...»

ЧЕМ БРАТЬ

Блаженный юг, ты снова рядом!
И плещет море у окна.
А ты стоишь престольным градом,
Который надо брать осадой,
Все ночи проводя без сна.
Сергей БЫЧКОВ

Блаженный юг!

Ты был блаженным,

Когда оглянешься назад,
А вот теперь над морем пенным
Придется языком военным
Воспеть любовь на новый лад.

Стоишь ты крепче баррикады
И не смыкаешь дивных глаз.
Пусть гор вздымаются громады
И стонут томные цикады,
Ты вводишь комендантский час.

А море плещет где-то рядом
В тревожном бдении ночей.
Хочу командовать парадом,
А не поддашься — брать осадом,
Уж если рифмовать точней.

РОСТОК УПОЕННЫЙ

Я этой земли упоенный росток...

Я темен и дик, сумасброд-инородец,
язычник больших городов.

Мой кореш и кум — протопоп Аввакум...

Юрий ЗАФЕСОВ

По красочным картам Советских Союзов,
По пятнам метафор приходят на ум
Мой давешний друг — подпоручик Хунхузов,
Мой кореш и кум — протопоп Аввакум.

Я темен и дик, сумасброд-иноземец,
Но я образованней многих юнцов,
Не могущих выкинуть сложных коленец
А-ля В. Устинов и Ю. Кузнецов.

В таежных лесах

затерялся мой прииск,
Я с частью простился своей войсковой,
Оставив оружие, бахилы и примус,
Как ярый язычник, шагаю Москвой.

Дыханьем больших городов опаленный,
Среди несибирских, неласковых зим
Вовсю пробиваюсь —

росток, упоенный
Неведомо чем и собою самим.

ЧТО В МОДЕ?

Я не знаю, что сегодня в моде
И какое ценится тряпье —
С давних лет
Я подражал природе,
Красоте и скромности ее.

Иван МИНТЯК

Я спросил у матери-природы
По-простому:
Так-то, мол, и так.—
Что сегодня
Стало криком моды?
И она шепнула мне:
— Минтяк,
Извини меня за фигуральность,
Но в тряпье
(И в качестве стиха)
Вновь сегодня в моде
Натуральность:
Лен и хлопок,
Кожа и меха.
А еще
Естественность расцветок.
И совсем не ценится сейчас
Петушиный крик
Самооценок
Или подражанье
Напоказ!

СОВЕТСКИЙ НА КУРОРТЕ

(УВЫ-ЦИКЛ)

* * *

Поскрипываньем острых игл
Почти в аэропорте
Возник мой самый горький цикл:
«Советский на курорте».

Пушай он будет Сьлнчев бряг,
А вовсе не Сан-Ремо,
На нас и тут особый знак,
У нас и тут сплошной напряг,
А на лице проблема.

ОДИН К ДВУМ

Нужны ли точнее оценки
Товарно-финансовых дел?
«Меняю валюту на деньги», —
Болгарин с усмешкой глядел.

И после заминки минутной
Турист из России поймет:
Пять левов зовет он валютой,
Червонец деньгами зовет.

В конце оскорбительной сценки
Скажу, преysкурaнт обозрев,
Что рубль сегодня не деньги,
Но честно: не деньги и лев!

У ВИТРИН

Мы дети сумрачных равнин —
Не черных лимузинов,
И тремcя ночью у витрин
Закрытых магазинов.

Глядим упорно, что почем?
То сладко нам, то гадко,
Когда переводить начнем
По выкладкам госбанка.

Сравним
        в наивной простоте,
Хоть цены несравнимы,
И даже лучше в темноте,
Через стекло витрины.

Никто не глянет сверху вниз,
Не вычислит: отколь я?
С готовностью не скажет: «Плиз»
Иль по-славянски: «Моля»...

ХОТЕЛ «СРЕДЕЦ»

Как восточноевропейец,
Без валюты и даров,
Я живу в отеле «Средец» —
В средоточье комаров.

ШИШ

Понятен мне славянский праязык,
Хотя порой обманчивы реченья.
К примеру,
                                по-болгарски «шиш» — шашлык,
Но жизнь сближает дальние значенья.

К примеру,
                                ты на родину спешишь,
Где не хватает никаких наличных,
А там по-русски ожидает шиш
Во всех шашлычных,
                                в том числе столичных.

КРИЗИС

Что-то спать мне неохота,
И курорт гудит, не спит,
А по улочкам курорта
Слышно цоканье копыт.

Проезжают экипажи,
Веселятся ездоки.
Днём с детишками на пляже
Даже ходят ишаки.

Это нам не по карману,
Но еще наступит час,
И возницы перестанут
Высока глядеть на нас.

Потому что в странах жарких
Меряют нефть на свой аршин,
А пока что на заправках
Вырастает хвост машин.

Нужен экспорт за валюту
Вместо экспорта идей!
И не зря в такую смуту
Мысль пришла беречь
кому-то
Ишаков и лошадей.

РОДНОЕ

Словно где-то в окрестностях Рузы,
В черноморской лазури залива
Так меня обстрекали медузы,
Даже злей, чем родная крапива...

О БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ

Кафе и бары — просто выставка:
Куда ни кинешь праздный взгляд,
Кругом стоит любая выпивка,
А люди сдержанно сидят:

Но мы хотим
открыть Америку:
Наверно, в мире лишь у нас
Сухой закон по кромке берега,
В районе здравниц и турбаз.

Замечу к сведенью товарищей,
Кто даже пиво обличал:
Я видел тыщи выпивающих,
А пьяных вовсе не встречал.

Точнее, вру! — в полночной темени,
До вин дорвавшись на беду,
Орал один, забыв о пении,
Про день рожденья раз в году.

ОБИДА

Я, конечно, не Депардье,
Но мужчина довольно видный,
Ну, а тут подойдешь к портье
И встречаешь вопрос обидный:
«Есть ли водка, кофе, икра?»
Я смотрю на нее, немея...
Отвечаю:
— Было. Вчера...
Всю отчизну в виду имея.

НАША МОДА

Убедился я в который раз,
Как на Запад проникает мода:
Сапоги — от нас, х/б — от нас
И тулупы, хоть не та погода.

На просторах средней полосы,
Где полгода не бывает солнца,
Мы носили длинные трусы
И не знали, чем все обернется.

А теперь, в эпоху перемен,
К иностранцам подойди поближе:
В наших все —

в семейных! — до колен,
Вот до этих пор...
И даже ниже.

НА ЗДРАВЬЕ!

Можно много чего сочинять,
Восхищаться и возмущаться,
Но пора и вино отчинять,
Почитая обычай, прощаться.

ШУТКИ И ОБЛИЧЕНИЯ

ИЗ МОНОЛОГОВ ЧАЦКОГО

Еще не повидавши белый свет,
Со школы
затвердили изречение,
Что лучше там,
где нас покамест нет,
Придав словам всемирное значенье.

Всегда готов спасительный ответ,
В подобных фразах есть надежды лучик.
Но замечали ль вы
с теченьем лет?
Там, где нас нет,
становится все лучше...

СОЧУВСТВЕННОЕ

Жизнь проходит шатко-валко,
Как с ухаба на ухаб.
Никого уже не жалко,
Кроме русских наших баб,
У кого на что-то запись,
Спешка, очередь и мрак.
Все выходит сикось-накось,
не по классике, не так,

Как Эдитой Пьехой пелось
И самой до двадцати,
Как мечталось и хотелось
В невозвратной юности.
Даже если есть достаток,
Гардероб с иголки,
Не пройдет в душе осадок
Беспросветной горечи.
Хоть кричи!

Гнетет забота,
И не греет чья-то лесть.
Есть профком, Доска почета,
Даже праздник женский есть —
Счастья нет...
Ну что ж, бывает,
Перестроимся, учтем...
Баба путь не выбирает,
Хоть идет своим путем.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Ведь недавно
был еще берег.
С выражением зверским лица:
«Уберите Ленина с денег!» —
Вознесенский со сцен восклицал.

А теперь это имя полощется,
И стоит над историей чад.
«Уберите Ленина с площади!» —
Иступленно во Львове кричат.

«Уберите! — вторят в Тернополе, —
Хай загинет мрамора слизы!»...
Это мы, по-моему, пробовали
И, сдается, что обожглись.

Мимо леса, мимо поля,
Отражая ивняки,
Протекает речка Вобля —
Небольшой приток Оки.
Да, такая речка — Вобля —
Против пристани Ловцы.
Кто-то вздрогнет поневоле:
Во, назвали, мудрецы!

Древней муромы созвучье
Потеряло перевод,
Но ясней — всегда ли лучше? —
Скажем, речка «Путь вперед»...
Ведь река не виновата!
Не за нас ли иногда
Розовеет в час заката
Непорочная вода?
Речь текла из дальней дали,
За года — не за века —
Все переименовали!
Рек не тронули пока.
Нелегка зато их доля:
Травят — жизнь недорога!

А она сверкает, Вобля,
И лелеет берега...

УТРЕННИЙ ВЗГЛЯД

Был я веселым, крылатым...
К прозе вернуться пора:
С очередным «дипломатом»
Я распрощался вчера.

Перед потерями стоек,
Но сожалею о том.

Магнитофон «Панасоник»,
С надписью Бокова том,
Ну и мои сочиненья
Кто-то прибрал, и привет!

Я у него, вне сомненья,
Самый любимый поэт.

ПЕРЕБОРЫ

Пол-России исходил я,
В край из края исходил,
Золотую середину
Я нигде не находил.
Находил золотую осень,
Находил золотую рожь,
Слышал столько прямых вопросов,
От которых бросало в дрожь:
Да иль нет? Отвечай, да скоро!
Как ни кинь — выйдет клин.
Нам во всем при таких просторах
Не найти средин.

Развеселым разговором
Перекручена струна.
Переборы, переборы.
Вот какая сторона!
Вот какая досада вышла —
Снова силы не рассчитал:
Тихо спел — ничего не слышно,
Громко — горло надорвал.
Так ведь в нашей стране бывает
С незапамятных пор:
Мало выпил — не согревает,
Много — так перебор.

Переборы не повторы,
Ни за кем не повторяй!

Наши песни — переборы,
Переливы через край.
Через край все печали наши,
Если радость — так наповал.
Если малость приврал — не страшно,
Важно, чтобы не переврал.
Если в этом не прав — покаюсь,
Но ни шагу назад!
В крайнем случае эту крайность
В нашем краю простят!

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Что в родном просторе?
Елки,
А еще тамбовский волк,
А еще на речке Смолке
Боброка засадный полк.

И от Тулы до Рязани,
От Карпат и до Тувы
Есть просторы для дерзаний,
Есть глубо-о-кие тылы.

Не познаешь их, товарищ,
Не пройдешь их без галош,
Их ничем не затоваришь,
Даже песней не зальешь.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ

Пока партнер его примерный
Фотографирует народ,
Кооператор «Петр I»
Красавиц на руки берет.

Он считает: грязь и толпы
Унижают честь.
Дорогой товарищ, что ты!
Слава богу — есть!

Эх, да вряд ли в целом свете
Кто-то нас поймет.
Запил пивом мысли эти
И понес в народ...

ВЕСНА

Скоро в вышине проснется крона.
Мусор жгут, и воздух чуть горчит.
На суку знакомая ворона
«Имярек!» нахраписто кричит.

Серость, ну чего ты разоралась?
Я и сам выдумывать горазд.
Но надежды сладостной хоть малость,
Мне сдается,
имярек не даст...

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

А. Поперечному

Рим
был отравлен черной икрой,
Взятой с собой для продажи, —
Этой советско-туристской игрой —
Стыдно рассказывать даже.

Мелочь — две баночки! — ерунда,
Прибыль для официанта,
Но предложить и продать без стыда —
Нету такого таланта.

Эти две банки сумку прожгли,
Солнечный Рим омрачили.
Добрые люди и здесь помогли,
Душу мою облегчили.

Улица Кандиа. Стол и навес,
Четверо жителей римских.
Мы говорим переводчика без,
Без искажения в мыслях.

Жесты, улыбки, интерразговор —
Яшин, Кутуньо и Карра.
Вспомнили песню. «Кантаре, синьор?»
И появилась гитара.

Римляне ставят вино — за игру,
Дружбу и город великий.
Я им дарю на прощанье икру
И ухожу, ясноликий...

* * *

В Тюмени зимней, вдалеке от дома,
Под серым небом бросилось в глаза:
Не тронута рябина у обкома,
Боярышник не склеван — чудеса!

Зимующих пернатых не хватает?
А может быть, уподобляясь нам,
Они тогда к обкому прилетают,
Когда в других местах

конец кормам...

МОЖЕТ, ЗРЯ?

Позабудется едва ли
Трепет памятного дня,
Как поэты обсуждали
Начинавшего меня.

Мы тогда уж не мечтали,
Что шагаем в коммунизм,
И меня не обличали —
Отмечали мой лиризм,
Не гражданственность, не смелость.
И желали наперед,
Чтобы пелось, как хотелось...
Евтушенко вдруг встает:
«Да рвани же ты рубаху!» —
Слышу в голосе металл.

Но, конечно, не со страху
Я рубаху рвать не стал.
Ну, во-первых, как-то стыдно
Бушевать при людях чтоб,
Да и жили незавидно —
Бедноватый гардероб...
Был порою ворот тесен,
Но, издав немало книг,
Кроме самых личных песен,
Не срывался я на крик.
Уж, казалось, перестройка —
Всюду ор и мордобой,
Но опять пытаюсь стойко
Быть в стихах самим собой,
Лишь порой вздыхаю на ночь:
Громкой славы не знавал.
Эх, Евгений Алексаныч,
Может, правда зря не рвал!
Ну, хотя бы вам тогда.
А?..

В НИДЕ, НА КОСЕ

Встал народ стеной на пирсе,
Поплавок у поплавка.
Одинаковые мысли:
Как поймать бы судака?

Пусть разнятся их наряды,
Возраст и аккредитив,
До чего же схожи взгляды,
Устремленные в залив!

И попробуй разобраться,
В чем секрет и где ответ —
Может быть, прочнее братства
В мире не было и нет?

Не страшны им ливень с градом,
Ветер, шторм, девятый вал.
Но не дай бог, если рядом
Судака
    собрать поймал...

О КАРАМЕЛИ

И я летал за тридевять земель
Еще давно, когда по самолетам
Два раза разносили карамель,
Свободно выпивали...

    Да чего там!

Не буду ностальгически вздыхать
О том, что не видали наши дети, —
Им жить да жить, и нам еще пахать,
За перестройку пребывать в ответе.

Все к лучшему — надеяться хотим,
Но все-таки замечу без нотаций,
Что если мы в грядущее летим,
То «Взлетная» могла бы и остаться.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

* * *

Регулируемый рынок — что за напасть?
Как его обозначить привычней? — спросили.
Если кратко, по-ленински:

та же советская власть

Плюс

спекулизация всей России.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Мы перестройку окрестили
Привычным словом,
но учтем,
Что революция в России
Всегда идет чудным путем!

Нужны ль разительней примеры?
Впервой в цепи имен и дат
Подпольные миллионеры
За революцию стоят!

РЕКОРД

Не сотвори из рекорда кумира!
Но ведь и Гиннесс в гробу подтвердит:

И стриптиз почти в законе,
И рулетка в ход идет,
И уже Сильвестр Сталлоне
На экране
                    красных бьет!

* * *

Выхожу я из ломбарда,
А кругом звучит ламбада.
Можно весело пожить,
Если вещи заложить!

БРОСЬ СИГАРЕТУ, БРОСЬ!

Когда из всех квартир неслось
В преддверии нехватки новой
С надрывом:
«Сигарету брось!» —
Народ не верил Пугачевой.

В ответ на возмущенный шквал
Правительство не задрожало:
Мол, вас Минздрав предупреждал
И Алла вас предупреждала!

ВСЕ ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО...

Шутка, когда б не народные слезы...
Вновь повторяется наше вчера:
Прежде
                    литовцев стоняли в колхозы,
Нынче выталкивают на хутора.

ПЕРЕСТРОЙКА

В арбатском переходе — Монпарнас —
Похож на нас в раздрызге и в загоне.
Прыщавый пареньь

бьет по струнам битый час,
Небритый хмырь фальшивит на гармони.

О, Господи, как скучно и старо!
То вдруг благоволят, то бочки катят...
За что недавно
выводили из метро,
За то же в подземелье нынче платят.

ЛИТЕРАТОРУ-РАДИКАЛУ

Убийственна эта особенность —
Шарахаться взад и вперед.
«Одна только частная собственность, —
Кричишь ты, — Россию спасет!»

Идея достаточно властная,
Но верить в одно лишь старо!
Ну вот твоя собственность частная:
Бумага, машинка, перо.

Писал ты, скрывая бессовестность,
Но все это кануло в ночь...
Выходит,
и частная собственность
Порою не в силах помочь.

КОНКУРС «ДОЧКИ-МАТЕРИ»

Сколько сил и денег зря растратили,
Так и не рассеяв слепоты!
Самый лучший конкурс — «Дочки-матери»
Из всех турниров красоты.
Он, не приглушая наших сложностей,
Не мешая следствий и причин,
Говорит о широте возможностей —
Выборе
    несдавшихся мужчин!

ОБ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Перелесок вышел из-под снега,
Подмосковный и многострадальный,
Словно после вражьего набега
Или ссоры кухонно-скандальной.

Как бы ни были деревья стойки,
Те, что с краю, не протянут долго.
У корней ползущие помойки
Близко подступившего поселка.

Лом железный, черепки посуды,
Куклы, утерявшие породу.
И клочки газетные — посулы,
Что общественность
    спасет природу.

НА РИЖСКОМ РЫНКЕ

Если этот паршивый товар,
Если этот шедевр индпошива,
Приносящий немалый навар,
Для парнишки глядится красиво,
Если он из райцентра влеком,

Покупает штаны на базаре,
Может дальше дремать Минлегпром,
Что б с трибуны о нем ни сказали.
Это моде убогая дань,
Кустари напрягают силенки,
И простая башмачная ткань
Превращается в куртки-«варенки».
Как привыкли мы дыры латать,
Но не делать в пути остановки!
И любая последняя... тать
Может вить из народа веревки.
Терпеливый мой русский народ
Кормит рой пустозвонов и выжиг.
Ну когда же он это поймет?
А ведь должен понять, чтобы выжить!

АВТОБУС В БОРОВИЧАХ

Курил молчаливый водитель,
А женщина встала к стеклу
И вдруг попросила:
— Ссадите
Меня на Веселом углу.

Я дальше поехал, не зная:
А смысл у названья каков?
Быть может, была здесь пивная,
Трактир у торговых рядов...

Все рухнуло, отвеселилось,
Настроилось на хозрасчет,
Но все же последнюю милость
Пускай мне фортуна пошлет.

Беспечные годы промчатся,
Но, вызов бросая во мглу,
Хотел бы с друзьями встречаться
Всегда
на Веселом углу!

ПРЕЗРЕННОЙ ПРОЗОЙ ГОВОРЯ...

ВТОРОЙ СОРТ (Юрий Нагибин)

В вечность проникают по-разному. В зоревой поре жизни я обещал стать художником, но меня подкосило чрезмерно буйное воображение, а я обожал передвижников, раннего Лактионова и никем другим, кроме завязанного реалиста, быть не желал.

Душевная память тоже являет собой род творчества, и чем ошеломительнее она, тем сомнительнее ее показания. А все же я многих помню. Павлика, который настал в моей жизни с детства, Кристофера Марло (я называю не в хронологическом, а в сугубо интимном порядке), дядю Володю, который великолепно играл на гитаре, Сергея Рахманинова, тоже недурно владевшего инструментом. И, конечно, последнего ресторатора Фому Зубцова, который произносил фразы таким вот манером: «Интеллихэнция всежки соль русской земли».

Я лет с четырех обреченно знал, что принадлежу к интеллихэнции, а это, по дворовому счету Чистых прудов, соответствовало второму сорту человечества. К последнему, мусорному, принадлежали бывшие буржуи. Сказать начистоту, и среди них у меня бывали недурные знакомцы — Пушкин, барон Дельвиг, Тютчев, Вася с оттопыренными ушами, который чует, Петр Ильич Чайковский и Анненский. Натурально, не Лев — критик, что тоже проходит интеллигентским вторым сортом, а Иннокентий, который перевел всего Еврипида на язык родных осин и покорила сердца всех курсисток — от смуглой Анны Горенко до Ахматовой. Впрочем, врать не буду, с последней я знаком меньше.

Буквально о каждом из них достаточно смело, но с легким холодком в животе я писал на веленовой бумаге с каллиграфическими красотоми, оставляемыми то гусиным пером, то машинкой «Эврика». Дурацкое восклицание! В этом я убедился днями, когда нашел еще одного приятеля по Остоженке из бросового сорта — Юрку Голицына, который жил у своей тетки княгини Екатерины Александровны Долгоруковой. С аристократического детства и до седых волос все, в том числе и я, звали его запросто — Юрка. Мы увиделись с ним на заброшенной дороге. Он шел навстречу, огромный, как собор, с усами и подусниками, ветер раздувал полы его камзола, пушил бакенбарды, вздымал волосы. Я было собрался кланяться, как он заорал своим громовым голосом: «Юрка, паршивец! Совсем зазнался. Не узнаешь своего тезку!» Я опешил и обиженно дернул простуженным носом:

— Господи, боже мой! Все-таки я уже не парень с Армянского, не парень со Сверчкова и не парень с Телеграфного.

— Кто же ты, мышеед проклятый?

— Интеллигент. Сочинитель.

Юрку Голицына как громом расшибло. Вся его манекенья спесь превратилась в розовое губошлепье. Простились мы холодно. «Тоже мне Третьяковский», — пробормотал он.

Дача моя менее чем в сорока километрах от Москвы, но поблизости нет железной дороги, поэтому по пути больше ни с кем из вояжеров я, слава Богу, не встретился, собрал в майку крепких боровиков и вернулся к себе незамеченным. Сел и сочинил доподлинную фразу: «Русскому писателю нет дела до прижизненной славы — ему бессмертие подавай!»

Народ безмолвствовал...

ПОРА ВПАДАТЬ!

(Виктор Конецкий,
сборник «Третий лишний»)

12.02. Трудное утро. Отошли от Монтевидео. Курс на Сандвичевы острова. Столько понавидались — дай Бог каждому! Тяжелая зыбь в голове. Хорошо бы выпить под сэндвичи крабкоктейль или сжевать стейк с луком. Закрепив шнерт, я поднялся

в каюту. На столе были раскреплены по-штормовому две бутылки коньяка, лежали «жареные трупы кур» (жаргон полярников), а вокруг сидели старпом Туровников и второй помощник Логазько, широко начитанные мужчины. Особенно они любят мое незаконченное стихотворение: «Скелет кита на берегу Анголы». Сейчас соплаватели вели междусобойный разговор и заканчивали... Это мне было лампадным маслом по душе, пришлось помочь. Стало гораздо лучше, радужней. И тут я присвистнул, потому что понял, что пора рвать отсюда когти и заступать вахтенным помощником.

12.02. Экватор дня. Легкая зыбь. Проходим траверз Святой Елены. Поднимаюсь на пеленгаторный мостик и вижу, что линемёт отодвинут в сторону, ракеты сложены в кучу, а на ящике лежит и загорает Елена — младшая буфетчица. Она лежит на животе, лифчик расстегнут. Это уже двойное нарушение законов плавания. Ситуация вовсе хреновая. Иду маневренным ходом на сближение, сбавляю ход до одного узла. Курс — чистый зюйд с чистыми намерениями. Как назло, из палубной трансляции гремит Алла Пугачева: «Я так хочу, чтобы лето не кончалось». Мозоли уже в ушах. Я, конечно, не Достоевский, но думаю так: если женщинам нравится украшать собой мир (и пеленгаторный мостик), то Бог ей в помощь, но ведь такое зрелище укачивает. Хотя я всегда скрывал дурноту знаменитым и простым способом: травишь в рукав шинели, канадки, дубленки, смокинга — и все шито-крыто. Улыбаюсь открыто, прохожу, сдерживаясь, траверз Елены и говорю книжно: «Анекдот — у кого-то я это читал — кирпич русской литературы. Хотите уроню?» Она смеется без стеснения, и тут я для камуфляжа спрашиваю: «Писателя Конецкого знаете? Могу познакомить». Младшая буфетчица впервые самую чуть смутилась и удивленно спросила: «Он-то здесь при чем? Третий лишний...» Я глотнул патентованную таблетку и дал задний ход, не сообразив, что второй здесь тоже я. Как говорят молодые штурмана: выпал в осадок (новое для меня выражение). В Одессе бы еще схохмили так: сколько людей имеют дырку от бублика только потому, что не вовремя считают до трех.

12.02. Еще не вечер. Почти легли в дрейф. Пришел третьим, молчу с ребятами — делюсь пережитым.

— Запиши это в шканечный журнал, — зананибратски приказывает старпом Туровников.

— Такой ляп для матерого матроса хуже хука и свинга, — почувствует второй помощник Логазько. — Назови так новую книгу: «Третий лишний». А что? Неплохое название для излюбленного жанра: «Фактоиды», то есть смесь фактов с идиомами.

Дал радиограмму Виктору Шкловскому, попросил совета.

13.02. Снялись с дрейфа. Сильная бортовая качка. Получил письмо от Виктора Борисовича: «Большой писатель ширеет, как река, принимает опыт других, как притоки, и впадает в океан. Ты ширеешь, Вика...».

Это мне оливковым маслом по душе: пора впадать!

МЕСТО И ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

(Александр Проханов)

Сибирь. Сорок градусов. Суета в помещении нарастает. Напряжение в сети падает. Рука тянется к сплетению разноцветных проводов, словно к шипящему клубку змей. Сейчас они подчинятся единой трубной мелодии, станут проводниками человеческой воли или агрессивно зашипят, вспыхнут яростным бунтом. Тогда беда и мрак. А ведь готовое чудо прогресса уже тускло мерцает, топорщит свои конструкции, свежестановлено волнует. Надо напоить его показным светом, надо зажечь вселенские звезды.

«Ну, решайся! — пульсирующе думает среди этой свистопляски генеральный светотехник Фонарев, выбритый, с белоснежными манжетами, в вольно застегнутом дорогом костюме. — Рули управления у нас, не зря же была брошена в тайгу вся новейшая валютная техника: «магирусы», «камацу», «катерпиллеры». Надо доказать, что теперь пригоден лишь этот искусственный, многократный метод. Конечно, кто-то опять погрязнет в сантиментах: первозданность, охрана природы... От кого охранять? От техники? Да спасать надо технику от враждебности к ней, от первобытных инстинктов. Вот и я сам, если глянуть внутрь себя серыми, с жестким блеском глазами, разве не попадал во власть диких рефлексий: нерешительности, размагничности, безотчетного влечения? Все, отныне граница! Полный контроль. Ра-

бота — дом. Дом — работа. Это сплачивает, рождает прообраз коллектива. Вот два кумира — третьего не дано...»

Вдруг некстати вспомнилась Ира. Ясно увидел, как приходил к ней еще недавно из тумана идей озябший, бодрый, с бутылкой вина. Обнимал у порога, порочно целовал, оставляя винный вкус на губах. Привычно оправдывался:

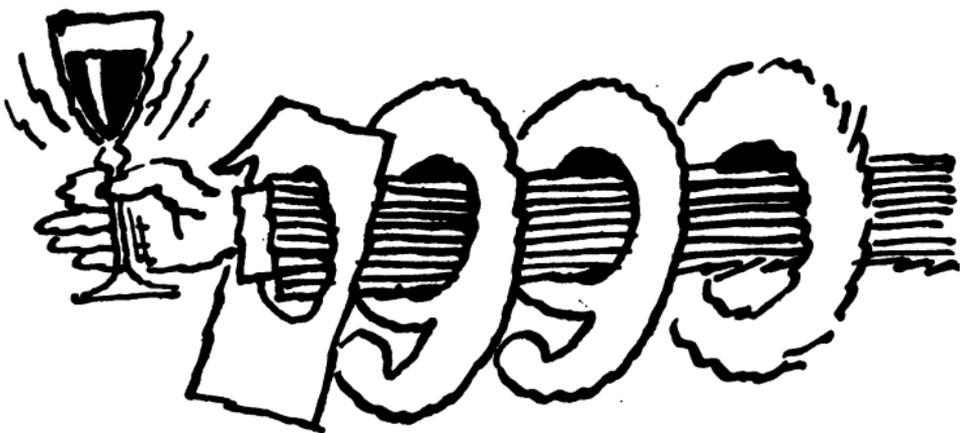
— Ох, сегодня едва отбил. Начальство из Москвы прилетело. Ну, знаешь, встреча, совещание, ушица...

Наполнял пространство вечным движением, звуком голоса, смехом, принесенной закуской, а рюмки — зыбким дрожанием вина.

«Вина. А было ли это увлечение такой уж большой виной? — глобально думал Фонарев. — Мы ввергнуты в бесконечность вселенной. И все-таки мы одни в пустыне звезд? Нет, не одни. Я слышу родные голоса. Кто это? Ну да, дети. «Тятя! Тятя!» Значит, пора! — надо решаться...»

Фонарев резко щелкнул тумблером, вспыхнула нарочито разноцветными огнями искусственная пьезохлоритановая елочка, и генеральный услышал привычный крик: «Ура!»

«Да, сотворена еще одна победа, недаром прожит, пробуравлен прошедший год», — устало думал Фонарев, щурясь будто бы от света.

СОДЕРЖАНИЕ

Однострофики и дистрофики	2
Литературные пародии	8
Советский на курорте (увы-цикл)	20
Шутки и обличения	27
На злобу дня	37
Презренной прозой говоря	43

БОБРОВ Александр Александрович

БЕЙ СВОИХ!..

Литературные пародии, шутки и обличения

Редактор **А. С. Пьянов**

Техн. редактор **В. П. Борисова**

Сдано в набор 07.12.90. Подписано к печати 25.01.91.

Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10

Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд л. 2,07. Тираж 75 000.

Заказ № 3151. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС

«Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ОБ АВТОРЕ

Александр БОБРОВ — московский поэт и бард, автор восьми сборников лирических стихов и книги прозы. Много лет наряду с лирикой писал литературные пародии, эпиграммы, иронические и сатирические стихи. Большая часть из них звучала со сцены, по радио и в телевизионных передачах от «Добрый вечер, Москва!» до «Вокруг смеха». Многочисленные публикации на полосах сатиры и юмора «Литературной газеты», «Литературной России», журналов «Юность» и «Москва» составили книгу «Вообще и в частности». На выход этой книги откликнулся эпиграммой в «Крокодиле» Борис Брайнин:

*Прочитали и даже смеялись.
Бей своих, чтоб чужие боялись!*

В новой книжке иронические выпады направлены не только против коллег-литераторов, друзей по перу, но и против своих собственных слабостей и пороков: бей себя, родного, тоже...

Бобров — кандидат филологических наук, журналист, редактор и критик — находится в эпицентре современного литературного процесса, где кипят страсти, творятся странные и любопытные вещи. Все это просится в строки, ну а обыденная жизнь вообще все больше подкидывает материалов для обличений и горьких усмешек. Но чувство юмора спасает и тут, что доказывает сборник «Бей своих!..». Многие стихи и пародии, вошедшие в него, публиковались на страницах «Крокодила».

20 коп.

Индекс 72996

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1991. № 5. 1—48.

